

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ИЗ ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДИЯ А. А. БЕСТУЖЕВА-МАРЛИНСКОГО

Публикация Осовата А. Л. и Тоддеса Е. А.

В фонде Бестужевых — в Отделе рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (далее — ОР и РК ГПБ) — хранится альбом, в котором оказались вместе бумаги самого разного характера. К этому альбому исследователи обращались неоднократно, однако содержащиеся в нем два прозаических текста А. А. Бестужева-Марлинского (беловой автограф с некоторой правкой, без подписи), насколько нам известно, лишь однажды привлекли к себе внимание. В наиболее подробной, но, к сожалению, неопубликованной библиографии произведений Бестужева, которая приложена к докторской диссертации Г. В. Прохорова¹, они отмечены под отдельными номерами и тождественно аннотированы: «содержание ненаписанных повестей»². Цель настоящего сообщения — ввести эти тексты в научный оборот, а также дополнить приведенную аннотацию.

Прежде всего термин «содержание» в данном случае может значить только «план», «программа», но оба текста настолько завершены и даже отделаны, что в определенном смысле сами являются произведениями. Фабульные схемы представлены целиком; предусмотрены такие детали, которые явно избыточны для плана. С другой стороны, отсутствуют признаки, характерные как раз для вспомогательных творческих записей: фрагментарность изложения, неравномерность в разработке фабульных звеньев и пропуск некоторых из них, не говоря уже о внешних «черновых» признаках (скоропись и т. д.; исключение составляет лишь сокращенное написание имен). Это может быть объяснено двояким образом: либо тем, что существовали несохранившиеся черновые заготовки, либо тем, что жанр и происхождение текстов иные, нежели авторская программа, составляемая на «предтекстовой» стадии работы над произведением. Мы исходим из второго варианта и предполагаем, что текстам предшествовали не черновики, а нечто другое — именно устные рассказы неизвестных собеседников Бестужева; таким образом, данные тексты являются записями этих рассказов, разумеется, трансформированных в соответствии с творческими принципами писателя.

Тогда становится понятно, почему в них фигурируют подлинные и весьма известные дворянские фамилии, а не те условно-литературные, которые Марлинский обычно использовал в своей прозе (Владов, Гремин, Правин и т. п.). Нет никаких оснований полагать, что подлинными именами обозначены прототипы будущих героев (как делал, например, Пушкин), а неопределенность именованья во втором тексте вообще исключает возможность такого понимания. По-видимому, писатель обрабатывал именно «анекдоты» (в значении начала XIX в.) о реальных лицах. Обращают на себя внимание слова «не помню твердо» в начале второго текста: если исходить из того, что перед нами программа ненаписанного произведения, то они представляются нефункциональными, совершенно лишними в данном контексте. В обработке же устного рассказа такой оборот вполне логичен как указание на желаемую точность, уже недостижимую при записи по памяти.

¹ Диссертация «Литературная деятельность А. А. Бестужева-Марлинского» была защищена 16 декабря 1941 г.; ее экземпляр хранится в фонде Бестужевых (ОР и РК ГПБ, ф. 69, № 48, 49, 50). Г. В. Прохоров (1880—1942) проделал значительную текстологическую и библиографическую работу, которая лишь отчасти отразилась в подготовленных им изданиях [см. 1; 2]. Г. В. Прохорову были известны и анонимные произведения Бестужева, заново атрибутированные в последнее время (в частности, статья «Ливония» [см. 7]).

² ОР и РК ГПБ, ф. 69, № 50, л. 32. Исследователь предполагал, что эти тексты переписаны одной из сестер Бестужевых (там же). Наша атрибуция основывается как на устойчивых особенностях почерка писателя, так и на творческом характере правки.